

«Старый пруд.
Прыгнула лягушка.
Всплеск воды»

Пер. В. Марковой

К тому же переводы, выполненные этими переводчиками, сопровождаются и предисловием, в котором воспроизведен культурно-исторический контекст эпохи, и комментариями к специфическим образам и понятиям. Именно благодаря поэтическим переводам российских японистов, возглавляемых А. Е. Глускиной, В. Н. Марковой, а в более позднее время их учеников, русский читатель получил возможность приблизиться к пониманию японской поэзии, а стало быть, и японской культуры.

Однако в полной мере выполнить свою культурную миссию переведенное на другой язык произведение может только в случае, если оно издано надлежащим образом, а именно содержит дополнительную информацию о культурно-историческом контексте, в который оно написано.

* * *

Нельзя отрицать тот факт, что сегодня средством расширения кругозора и пополнения знаний стал Интернет. Однако информация, почерпнутая из Интернета, часто грешит большим количеством неточностей. Вероятно, ученым, литераторам, переводчикам не следует пренебрегать этим самым современным средством для передачи информации широкой аудитории, но в то же время необходимо продумать формы, в которых ее можно было бы осуществить.

Халхин-Гол: 70 лет спустя. Историография проблемы

Е. Л. Катасонова

Война на Халхин-Голе относится к таким историческим событиям, которые на протяжении многих лет продолжают привлекать внимание исследователей многих стран. Прежде всего, это касается России и Японии – непосредственных участников этого вооруженного столкновения. И хотя с тех пор прошло 70 лет, еще не поставлена окончательная точка в оценке многих спорных моментов тех сражений и не только в силу исторических причин, но и, главным образом, политических и идеологических. Это в равной степени относится к работам как российских, так и японских ученых.

Обратимся вначале к многочисленным изданиям по данной проблеме, опубликованным в нашей стране. Имеется в виду тот огромный пласт исторической, мемуарной и военно-технической литературы, которая была издана в СССР, а затем в современной России и которая ярко отражает дух своего времени и ситуацию в отечественной исторической науке.

При этом следует заметить, что, несмотря на явную идеологическую ангажированность многих исследований советского периода, отечественные историки и военные специалисты в условиях строжайшей цензуры и ограниченного доступа к архивным материалам смогли создать немало серьезных фундаментальных трудов, не теряющих своей актуальности и в наши дни.

Начнем с того, что в период кровопролитных сражений на монголо-маньчжурской границе печать обеих стран ограничивалась лишь весьма скудной информацией. В СССР, например, публиковались лишь самые краткие сообщения ТАСС. Ни одного описания боя, ни одной корреспонденции из Монголии ни в июне, ни в июле, ни в августе в газетах не появилось. Только 6 августа 1939 г. все центральные газеты опубликовали указ о награждении Н-ской танковой бригады орденом Ленина и о присвоении ей имени комбрига М. П. Яковлева. При этом не указывались ни номер бригады, ни за какие воинские достижения она была награждена высшей наградой СССР. В указе была дана лишь общая формулировка: «за исключительные заслуги при защите Родины». Это была 11-я танковая бригада, которая награждалась за участие в боях на горе Баин-Цаган.

Одними из первых о халхин-гольских сражениях открыто заговорили литераторы, воспев мужество и героизм советских солдат. Сразу же после победы советских войск в Монголии известный поэт Константин Симонов написал поэму «Далеко на Востоке». Военным специалистам потребовалось для оценки этих событий около года. Уже в 1940 г. выходят работы П. И. Другова «Из опыта действий АБТВ на р.Халхин-Гол», «Боевые действия авиации в Монгольской Народной Республике», «Бои у Халхин-Гола» и др. Генеральный штаб РККА издал монографию «Действия 1-й армгруппы в Халхин-гольской операции» (май-сентябрь 1939 г.). Вслед за этими книгами появилось несколько десятков исторических исследований, воспоминаний участников боев, документальной прозы, различного рода юбилейных публикаций.

Довольно оперативно отреагировали на события на Халхин-Голе и за рубежом. В те годы в иностранной прессе появились публикации, написанные по горячим следам событий. Большинство из них были поверхностными и содержали довольно спешно сделанные оценки этого конфликта.

Так, одной из наиболее распространенных в те годы в иностранной прессе версий событий на р. Халхин-Гол стало объяснение причины вооруженного столкновения на монголо-маньчжурской границе не спровоцированным кавалерийским рейдом небольшого советско-монгольского отряда, нарушившего границу Маньчжоу-го в районе Номон-Хан-Бурд-Обо. Согласно этой версии, когда японские части отбросили «нарушителей», русские ввели в дело крупные силы, находившиеся в готовности на Урале, и устроили японцам настоящую «мясорубку».

События у р. Халхин-Гол на долгое время отошли на второй план, после начала второй мировой войны. После поражения Японии и окончания военных действий на Тихом океане стремление исследователей восстановить достоверную картину возникновения и хода этого вооруженного конфликта проявилось вновь. Оно еще более усилилось после продолжительных заседаний Международного военного трибунала в Токио, которые, вопреки ожиданиям, не внесли ясности в объяснение халхин-гольских событий.

На заседаниях трибунала представители обвинения сосредоточились главным образом на разоблачении японского заговора против мира, подводя к конфликту на Халхин-Голе одностороннее, ограничившись обоснованием определения линии границы. Представители защиты, со своей стороны, парировали это обвинение тем, что пограничное столкновение весны и лета 1939 г. было просто неспровоцированным пограничным конфликтом, типичным для большинства такого рода инцидентов. Защитники утверждали, что со стороны Японии это была отнюдь не агрессия, а следствие неточной демаркации границы, поскольку вооруженное столкновение было, в конце концов, урегулировано на основе двустороннего соглашения.

Советская часть обвинения, напротив, строилась на хорошо продуманных аргументах в строгих рамках политической линии сталинской дипломатии, утверждавшей, что события на Халхин-Голе явились заранее спланированной военной акцией Японии против СССР и очередным актом агрессии по захвату советских территорий, который свидетельствовал о генеральном плане Японии по подготовке нападения на нашу страну.

Примерно в этом же ключе даются оценки военным событиям на Халхин-Голе во всей послевоенной советской историографии, представленной не одним десятком книг. К числу наиболее заметных изданий того времени следует отнести монографию Г. Н. Севостьянова «Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны» (М., 1961 г.) и его статью «Военное и дипломатическое поражение Японии в период событий у реки Халхин-Гол» («Вопросы истории», 1957, №8); книгу М. В. Новикова «Победа на Халхин-Голе» (М., 1957 г.); военно-историческое исследование «Японский милитаризм» (М., 1972 г.); фундаментальную работу Г. В. Ефимова и А. М. Дубинского «Международные отношения на Дальнем Востоке» (кн.2, М., 1973) и т. д.

Кроме внешнеполитических аспектов, которым уделяется особо большое внимание в данных работах, в них достаточно полно раскрывается деятельность руководящих органов СССР и Монголии в подготовке отражения агрессии, особенности, ход и исход боевых действий, массовый героизм советских и монгольских воинов. Однако наиболее спорные моменты этих событий остались за рамками этих исследований, поскольку «пропагандистские цели зачастую превалировали над исторической достоверностью: героическое долгие годы гипертрофированно превозносилось, а негативное, и ошибочное, которого было гораздо меньше, но оно все-таки было, – стыдливо замалчивалось»¹.

Одним из первых об этом заявил В. Вартанов в статье «Халхин-Гол: что под позолотой...». Он выступил против упрощенной односторонней трактовки этих событий и призвал «заглянуть под “позолоту” героико-парадных реляций этого события», где «оно будет выглядеть несколько иначе»².

Действительно, оценивая эти события с позиции сегодняшнего дня, следует признать, что односторонний подход к этой проблеме, проявлявшийся в прошлом, не всегда соответствовал исторической правде. Практически во всей изданной ранее советской литературе замалчивается первый, майско-июньский этап боевых действий, продемонстрировавший слабую подготовленность сухопутных частей и особенно авиации 57 особого корпуса РККА. Архивные документы свидетельствуют о растерянности командования корпуса, об утрате им способности наладить

¹ Советский воин. 1989, №18, с.74.

² Там же.

оперативное и четкое управление войсками в боевых условиях. Именно данными обстоятельствами в основном обусловлена полная замена командования корпуса через месяц после начала конфликта.

Кроме того, нельзя не отметить также негативное влияние необоснованных репрессий среди командного состава обеих армий. В МНР, например, в 1937–1938 гг. было арестовано 80% высшего командного состава. Монгольские вооруженные силы были, по существу, обезглавлены. И это далеко не все, о чем молчали долгие годы и старались обойтись общими словами.

Мало изученными оставались действия советской авиации на первом этапе. Если в середине и на завершающих стадиях боевых действий она раскрыла свои возможности достаточно впечатляюще, то исследование ее боевых действий в майско-июньских боях показывает наличие неудач. Большие, ничем не оправданные потери материальной части и личного состава советской авиации на начальном этапе конфликта – доказанный, хотя и горький факт боев в районе Халхин-Гола.

Статистические данные о результатах этих боев также были откорректированы советской официальной историографией. Согласно нашей статистике, советско-монгольские войска потеряли 2413 убитыми, 10 020 ранеными и 216 пленными³. Однако эти цифры явно занижены. По другим источникам, наши потери составляли 10 тыс., потом их подняли до 18,5 тыс. человек. На основании последних исследований российских военных историков, советские войска в ходе боев на Халхин-Голе понесли следующие потери в личном составе: 7974 человек, общие санитарные потери – 15 926 человек⁴.

Япония официально объявила, что ее потери убитыми, ранеными и больными составили 18 тыс. из 76 тыс. человек, участвовавших в боевых действиях⁵. По другим данным, японцы потеряли убитыми 25 тыс. человек, а полные потери, т. е. убитые, раненые и пленные, составили 61 тыс. солдат и офицеров. При этом численность японских войск на август 1939 г. составляла 38 тыс. солдат и офицеров⁶.

По утверждению японского ученого С.Хаяси, общие японские потери составляли не менее 73% участвовавших в конфликте, т. е. примерно 55 тыс. человек. В качестве трофеев в руки советских войск попало 12 танков и 23 бронемашин, а также 25 тягачей, 100 автомашин, 190 орудий. 40 минометов, 9 тыс. винтовок, 370 пулеметов и много боеприпасов⁷.

³ ЦГАРА Ф.33987, оп.3, д.1207, л.112.

⁴ Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., Воениздат, 2003, с.79.

⁵ Coox Alvin D. *Nomonhan. Japan Against Russia. 1939*. Stanford, California, 1983, vol.2, p. 1123.

⁶ <http://echo.msk.ru>

⁷ Цит. по: Славинский Б. Н. СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история 1937–1945 гг. М., 1999, с.177.

В советских донесениях утверждалось, что в боях на Халхин-Голе было сбито 600 с лишним японских самолетов. Говорят, когда Ворошилову доложили, что сбито 450 японских самолетов, тот рассмеялся и сказал: «Хорошо, если вы сбили хотя бы половину от этого числа!..» На самом деле японцы потеряли всего 164 самолета, в том числе 90 – в боях и 74 – на земле, поврежденных до невозможности восстановления⁸.

Богатая документальная база диктует необходимость выработать объективную оценку хорошо известным фактам и событиям вне идеологических установок и политических пристрастий. Достаточно сказать, что из огромного количества дошедших до нас документов только в Российском государственном военном архиве коллекция дел по Халхин-Голу насчитывает свыше 700 единиц хранения. Они свидетельствуют о причинах возникновения конфликта, тщательной подготовке со стороны японского командования, о ходе и этапах боевых действий советско-монгольских войск, о действиях японской армии и т. д.

Эти документы, ставшие достоянием российских исследователей в полном объеме лишь в последние годы, позволили российским ученым сделать значительный вклад в изучение этой проблемы в общем контексте истории советско-японских отношений. Это – книги Б. Н. Славинского «СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история. 1937– 1945 гг.» (М., 1999 г.) и К. Е. Черевко «Серп и молот против самурайского меча» (М., 2003) и т. д.

И, тем не менее, в научных дискуссиях пока еще рано ставить точку. По мнению ряда российских историков, сегодня настало время показать общее заблуждение советской историографии, которая на протяжении пяти десятков лет, несмотря на явные натяжки, упорно относилась действительно существовавшие общие агрессивные замыслы Токио в отношении СССР и МНР к частным событиям в районе р. Халхин-Гол.

Известно, что в советской историографии традиционно считалось, что советско-японское военное столкновение на Халхин-Голе было скрупулезно подготовлено и одобрено высшими руководителями Японии в качестве важного звена стратегического плана по захвату Монгольской Народной Республики (Внешней Монголии) и Забайкалья.

Сегодня это утверждение находит иные оценки и иное видение. В частности, по мнению ряда современных исследователей, одной из целей затеваемого военного конфликта могла быть не более, чем проверка боеспособности Красной армии, своеобразная «разведка боем» чтобы убедиться на практике в действенности нового варианта плана войны против СССР и проверить боеготовность Красной Армии на западном направлении. К этому толкало японцев и стремление восстановить авторитет Квантунской армии, подорванный неспособностью завершить войну в Китае и поражением у оз. Хасан.

⁸ ЦГАРА Ф.33987, оп.3, д.1207, л.112.

В фундаментальной исторической работе – коллективной монографии «Японский милитаризм в период второй мировой войны» (М., 1979 г.) отмечается, что провокации японских войск в районе озера Хасан в августе 1938 г. и более крупная – летом 1939 г. на р. Халхин-Гол были главным образом связаны «с планами подготовки Квантунской армии (к войне с СССР. – Е. К.) и проверки ее боевой способности»⁹.

Сторонником этого подхода является, в частности, и военный историк Е. А. Горбунов, который подробно излагает его в таких работах, как книги: «20 августа 1939» (М., 1986) и «Крах планов “Оцу”» (Владивосток, 1988).

Исследователь В. Вартанов отстаивает несколько иной подход к данной проблеме. Также как и ряд других историков, он не высказывает сомнений в агрессивности и антисоветской направленности японских планов в отношении нашей страны в те годы. По его мнению, эти планы действительно разрабатывались, ежегодно уточнялись, и в соответствии с ними шла подготовка к нападению на СССР.

Однако, по мнению исследователя, анализ обстановки в регионе и внутреннего положения Японии именно к середине 1939 г. свидетельствует о том, что ввязывание в открытый широкомасштабный вооруженный конфликт с Советским Союзом японским правящим кругам было крайне невыгодно, и они специально этого не планировали. Японская регулярная армия прочно увязла в войне в Китае, уже в течение двух лет вела затяжные бои на два фронта – против регулярных войск Чан Кайши и мощного партизанского движения в тылу. Япония испытывала все большее истощение сырьевых ресурсов, рост безвозвратных потерь личного состава и т. д.

«Разве можно было серьезно рассчитывать на завоевание МНР, вторжение в СССР, оккупацию Забайкалья с двумя пехотными полками и частями усиления – в общей сложности чуть более 10 тыс. человек, а именно эти японские части участвовали в начальной стадии конфликта?» – задается вопросом В. Вартанов и дает свои комментарии по этому поводу: «На наш взгляд, вспыхнувшие боевые действия, как это не прозвучит неожиданно, носили случайный характер и были обусловлены неразберихой с линией границы в этом районе. В течение нескольких лет между монгольской и маньчжурской сторонами по этому поводу проводились консультации, однако единой точки зрения выработано так и не было»¹⁰.

Эту же идею разрабатывает в своей статье В. П. Сафронов «СССР и японская агрессия (1937–1941 гг.)»¹¹. Автор полагает, что данный конфликт возник как очередной пограничный инцидент из-за расхождения

сторон в определении границы. Он добавляет, что этому способствовало наличие большого количества карт района, которые трактовались каждой из сторон в свою пользу, а также сам характер местности – пустынной и малолюдной, где пограничные указатели отстояли друг от друга на многие километры.

Известно, что сама проблема демаркации границы возникла не в 1939 г. Она существовала достаточно давно, и единого мнения о том, где проходила граница между Маньчжоу-Го и Монголией не было. Монголия, за которой стоял Советский Союз, объявила о прохождении границы близ маленького поселка Номон-Хан-Бурд-Обо, а Маньчжоу-Го, за спиной которой стояла Япония, провела границы по реке Халхин-Гол. Именно поэтому в японской и западной историографии последующие события получили название «Инцидент у Номонхана», а в советской и российской – «Конфликт на Халхин-Голе».

Некоторые исследователи связывают эти военные столкновения с планами Японии провести железную дорогу Солунь – Ганьчжур вблизи монгольской территории, рельеф которой, по версии монгольской стороны, именно в этом месте выдавался клином. В случае войны железная дорога могла подвергаться прицельному огню с господствующих высот на монгольской границе. Сдвинув границы к Халхин-Голу, японское командование ликвидировало бы эту угрозу.

Но не только ради строительства железной дороги японские военные власти выбрали для нападения именно этот выступ монгольской территории в районе р. Халхин-Гол и оз. Буир-Нур и вопреки официальным картам, фиксирующим линию границы между МНР и Маньчжоу-Гол восточнее Халхин-Гола, стали настаивать на установлении границы по этой реке.

Выбранный театр боевых действий давал существенные военно-стратегические преимущества японской армии. Со стороны Маньчжурии туда подходили две железные дороги. Одна из них, бывшая КВЖД, проходила в 125 км. от Халхин-Гола. Еще ближе, в 50–60 км, находилась станция Хандогай новой железной дороги, идущей от Солуни на Ганьчжур. Кроме того, в распоряжении японских войск имелись две грунтовые дороги, идущие к Халхин-Голу от Хайлара. В то же время наша ближайшая железнодорожная станция была отдалена от места событий на 750 км. Принимая во внимание только эти обстоятельства, у японского командования были все основания рассчитывать на успех операции. Возможно, поэтому в наши дни японских ученых более, чем ход военных действий, интересуют вопросы обеспечения тыла советских войск.

Все прекрасно понимают, что не картографические ошибки приводят к таким весьма трагическим событиям. Конечно же, речь шла не только об этом кусочке территории. Со стороны японцев, безусловно, была более крупная и значительная политико-стратегическая задача.

⁹ Японские милитаризм в период второй мировой войны. М., 1979, с.165.

¹⁰ Советский воин.1989, №18, с.74.

¹¹ Советская внешняя политика. 1917–1945. Поиски новых подходов. М., 1992, с.251–287.

Япония рассматривала Советский Союз как своего потенциального противника и еще задолго до 1939 г. готовилась к войне с Советским Союзом.

Тем не менее, в начале конфликта обе стороны рассматривали его как обычный инцидент. Они обменялись несколькими взаимными протестами (первый из них был адресован правительству МНР). Но вряд ли будет правильным расценивать конфронтацию случайным стечением обстоятельств. Она назревала не только потому, что частые и мелкие пограничные инциденты накапливались и создавали благоприятную почву для противостояния. В связи с этим трудно не согласиться с мнением российских исследователей, что конфликт на Халхин-Голе, помимо военно-силового, имел явное политико-дипломатическое измерение¹².

Вступив в конфликт и развязав крупномасштабные боевые действия, и Советский Союз, и Япония стремились извлечь для себя максимальную политическую пользу и, в первую очередь, продемонстрировать свою боеспособность перед потенциальными союзниками. В Европе и США существовали довольно серьезные сомнения в способности СССР и Японии выступать в качестве надежных и боеспособных партнеров в предстоящих коалициях, состав и конфигурация которых еще не были окончательно прояснены.

Именно в эти месяцы японская дипломатия вела ожесточенный торг об условиях сотрудничества с Германией и Великобританией. В то же время Япония продолжала тяжелую войну в Китае, где несла ощутимые потери в живой силе и технике. Очевидно, что в таких условиях японцы при всей своей агрессивности не были заинтересованы в раздувании еще одной крупной войны, отвлекающей их силу от главной цели.

Возникший конфликт, который формально был четырехсторонним – МНР и СССР против Маньчжоу-Го и Японии – фактически был выяснением отношений между СССР и Японией. Конфликт стал прекрасной возможностью для любой из сторон не только закрепить за собой спорные территории, но и значительно поднять свой военный и политический престиж на международной арене.

В этой связи возникает вопрос о том, является ли верным утверждение, что локальные по охвату территории и не переросшие в войну события на Халхин-Голе оказали серьезное влияние на последующее развитие ситуации в мировой политике. Безусловно, да.

1 сентября 1939 г. стало водоразделом, который прервал мирное течение времени, разделил его на довоенное и военное. Однако деление это было чисто формальным, поскольку военные пожары давно уже полыхали в различных уголках нашей планеты, предвосхищая собой

огненный вал мировой войны. Боевые действия на Халхин-Голе начались в мае и завершились к середине сентября. Хотя центр событий пришелся главным образом на Запад, немаловажное значение имел и дальневосточный регион. Развернувшиеся там боевые действия явились своего рода катализатором, который, несмотря на их огромную удаленность и кажущуюся самостоятельность, ускорил начало большой войны.

Интересная деталь. 23 августа 1939 г. вся японская группировка была окружена и была одержана победа над японцами. И в тот же день Молотов и Риббентроп подписали Пакт о ненападении между СССР и Германией. Видимо, не случайно в дискуссиях о событиях на Халхин-Голе иногда задают вопрос о том, не привело ли к окончанию конфликта заключение пакта Молотова-Риббентропа или же стало одной из побудительных причин для этого.

Безусловно, это событие сыграло свою роль. Однако не только оно могло определить весь ход событий. Допустим, что, если бы положение японской группировки оставалось благоприятным, т. е., если бы 20 августа не было нанесено мощнейшего удара со стороны советских войск, и японская армия не понесла тогда большие потери, вряд ли японцы остановили свои военные действия. И все дальнейшие события могли бы развиваться по иному сценарию.

При этом не следует отрицать, что японцы, узнав о советско-германском пакте, оказались перед дилеммой, на чьей же стороне выступала Германия, так как, готовясь к войне с Советским Союзом, считали эту страну своей основной и надежной союзницей. Это дезорганизовало и дезориентировало японское военное руководство, а японское правительство подало в отставку. И надо сказать, что военная победа на Халхин-Голе и пакт Молотова-Риббентропа надолго охладило пыл японцев, и они уже полностью переключились на «ожное направление» – на войну в Тихом океане.

Со своей стороны, Сталин, убежденный в том, что Советский Союз существует в чрезвычайно враждебном ему окружении, свою основную цель видел в обеспечении национальной безопасности страны. Вот почему среди факторов, побудивших СССР сделать ставку на союз с гитлеровской Германией, а не англо-французским блоком, наряду с европейскими проблемами следует отметить большое внимание, которое отводило советское руководство вопросам безопасности на дальневосточных границах. И в этом контексте вооруженный конфликт на Халхин-Голе, можно рассматривать как один из сильных аргументов в пользу Германии.

В течение 1937–1938 гг. Советский Союз предлагал Англии, Франции и США организовать коллективные действия против германской экспансии в Европе и японской агрессии в Китае. Но западные демократии отвечали категорическим отказом. Москва оказалась в полной

¹² Славинский Б. СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история 1937–1945 гг. М., 1999.

международной изоляции. По иному прореагировала Германия, когда Молотов 15 августа 1939 г. во время беседы с германским послом Шуленбургом задал ему вопрос: «Готово ли германское правительство оказать влияние на Японию в целях улучшения советско-японских отношений и урегулирования пограничных конфликтов?»¹³

Уже на следующий день Риббентроп сообщил в Москву свой ответ: «Германия готова использовать свое влияние с целью укрепления российско-японских отношений»¹⁴. В ночь с 23 на 24 августа, когда проходили советско-германские переговоры о содержании Пакта о ненападении, детально обсуждался и японский вопрос.

Это нашло отражение в записи состоявшейся беседы: «Министр иностранных дел рейха заявил, что германо-японская дружба никоим образом не направлена против Советского Союза. Мы, например, в состоянии в силу наших хороших отношений с Японией внести эффективный вклад в урегулирование разногласий между Советским Союзом и Японией. Если господин Сталин и советское правительство этого пожелают, министр иностранных дел рейха готов работать в этом направлении. Он соответственно использует свое влияние на японское правительство и свяжется по этому вопросу с советским представителем в Берлине.

Г-н Сталин ответил, что Советский Союз действительно желал бы улучшения отношений с Японией. Однако есть пределы его терпения в отношении японских провокаций. Если Япония желает войны, она может получить ее. Советский Союз не боится этого и готов к этому. Если же Япония желает мира – тем лучше. Господин Сталин считает помощь Германии в достижении улучшения советско-японских отношений полезной, но Советский Союз не желает, чтобы у японцев создалось впечатление, что инициатива в этом направлении исходит из Советского Союза»¹⁵.

В связи с заключением советско-германского пакта правительство Японии заявило Германии протест, указав, что этот договор противоречит Антикоминтерновскому пакту. Японский кабинет во главе с Хиранума Кииро, являвшийся сторонником совместно японо-германской войны против СССР, был вынужден 28 августа 1939 г. подать в отставку. Обосновывая отставку, Хиранума заявил, что в результате заключения советско-германского договора создалось новое положение, которое делает необходимым «придать совершенно новую ориентацию японской внешней политике»¹⁶.

Таким образом, суммируя все эти факты, следует сделать вывод о том, что вооруженное столкновение советских и японских войск летом 1939 г. стало для советского правительства еще одним побудительным мотивом для заключения с Германией Пакта о ненападении. Этот документ на тот момент представлялся определенной гарантией, позволяющей избежать опасности вовлечения нашей страны в войну на два фронта – западный и восточный. В то же время разгром японских войск на Халхин-Голе наряду со сложным комплексом других международных вопросов стал еще одним весомым аргументом, заставившим японское правительство заключить в апреле 1941 г. Пакт о нейтралитете с СССР. Правда, здесь же возникает другой вопрос о том, насколько результативными оказались эти акции, поскольку в том и другой случае, несмотря на достигнутые ранее официальные договоренности, последовали кровопролитные войны, исход которых изменил мировое послевоенное устройство.

И это далеко не весь круг исторических, политических, международных и военных проблем, возникающих в контексте исследований войны на Халхин-Голе, ее причин, хода и исхода, по которым у российских и японских ученых не всегда совпадают точки зрения.

В Японии научных и популярных публикаций по данной проблеме, пожалуй, в несколько раз больше, чем в нашей стране. При этом большая часть из них написана в основном после 1956 г. – года подписания Совместной советско-японской декларации об окончании состояния войны и восстановлении дипломатических отношений между двумя странами.

До 1956 г., когда наши страны находились с юридической точки зрения в состоянии войны, а фактически в состоянии холодной войны, и тысячи японских военнопленных еще находились в советских лагерях, японцы за редким исключением с большой неохотой шли на разговор о Советском Союзе и, в частности, о событиях на Халхин-Голе. Даже в японской литературе того времени упоминания об этих событиях были крайне редки и осторожны. Чуть ли не единственным примером тому может служить книга Сакаэ Цубои «Двенадцать пар глаз», вышедшая в 1952 г.

Показательно, что первые исследования по этой проблематике в Японии стали проводиться по инициативе и при непосредственном участии американцев. Американские оккупационные власти создали при штабе главнокомандующего Д. Макартура специальные органы, которые должны были заниматься обобщением опыта вооруженной борьбы в Азиатско-тихоокеанском регионе военного и предвоенного периода. Военно-историческая служба армии США решила, также как и на территории оккупированной Германии, привлечь к исследованиям значительное число высокопоставленных генералов и старших офицеров бывшей японской армии. Для них была намечена обширная программа

¹³ 1939–1941. Советско-нацистские отношения. Документы. Париж, Нью-Йорк: издательство «Третья волна», 1988, с.58.

¹⁴ Там же, с.63.

¹⁵ Там же, с.80–81.

¹⁶ *Славинский Б.* СССР и Япония на пути к войне: дипломатическая история. 1937–1945, с. 189.

военно-исторических исследований, которая должна была осуществляться под непосредственным наблюдением сотрудников ведомств начальника военно-исторической службы армии США с использованием всех уцелевших документов военного и предвоенного периода: протоколов, стенограмм заседаний ставки, дневников и т. д.

Проделанная колоссальная работа была завершена в 1960 г. Результат – 184 монографии по общим проблемам и 13 специальных исследований по Маньчжурии. К документальным материалам были приложены карты и подготовлены справочные таблицы, именные указатели и т. д. Они были дополнены многочисленными личными записями и воспоминаниями. Все эти японские источники были переданы штабу Д. Макарута и ныне хранятся в архиве Центра военной истории в Вашингтоне.

В конце 70-х годов было отобрано несколько десятков наиболее важных монографий, и в 1980 г. в США под редакцией Ч. Бёрдика и Д. Детуилера появилось 15-томное издание «Война в Азии и на Тихом океане, 1937–1949 гг.». В 12 томов этого труда включили 47 японских монографий и специальных исследований, переведенных на английский язык.

Но, пожалуй, наиболее авторитетным из западных исследований до сих пор остаются работы профессора А. Кукса, который после окончания войны работал в аппарате американской оккупационной администрации и имел доступ ко многим японским документам. К 1956 г. под его руководством были подготовлены пять открытых монографий на английском языке, изданные американским военным ведомством. Материалы, касавшиеся событий на р. Халхин-Гол, занимали в них два тома. Эти монографии, хотя в них содержались ошибки и неточности, в то время были признаны наиболее авторитетными публикациями по указанной проблеме.

В 1985 г. выходит индивидуальная монография А. Кукса под названием «Номонхан: Япония против России, 1939 г.» в двух томах. Хотя некоторые выводы автора представляются отнюдь не бесспорными, тем не менее, исследование американского историка, несомненно, относится к числу наиболее глубоких, систематизированных и всесторонних трудов по истории данного периода. А. Кукс проанализировал мифы и реальные события в Квантунской армии и представил события у реки Халхин-Гол как поворотный пункт японской истории, приблизивший в конечном итоге войну против западных держав на Тихом океане.

А. Кукс до сих пор является для японских ученых непревзойденным авторитетом. Достаточно сказать, что специализированный японский журнал по военной истории, посвященный событиям на Халхин-Голе, открывается статьей американского исследователя «Новый подход к оценке событий в Номонхане» («Гундзисигаку». №128, 1997). Несмотря на название работы, основная концепция, предлагаемая А. Куксом в

этой статье, фактически не нова. Базируясь на многочисленных архивных документах, автор стремится доказать, что поражение в войне на Халхин-Голе имело для Японии и для всего мира весьма далеко идущие последствия. Исходя из печального опыта этих событий, японское руководство приняло, как казалось тогда, безошибочное решение о наступлении на Юг.

Кукс полагает, что, если бы Япония тогда не переориентировала свой удар в южном направлении, СССР вынужден был бы вести войну на двух фронтах – на Востоке и на Западе. И в этом случае, считает он, советские войска неминуемо были бы обречены на поражение. Одним словом, Кукс убежден в том, что победу в войне с Германией СССР смог достичь благодаря тому, что Япония отказалась от войны на севере и развернула военные действия на Тихом океане, получив опыт своего поражения на Халхин-Голе.

Японские исследователи во многом солидарны с мнением известного американца, хотя их научные интересы простираются далеко за рамки международных аспектов этой проблемы. В центре их внимания – анализ причин поражения японской армии, а также многочисленные воспоминания участников тех далеких военных событий, на основе которых создается немало повестей и романов, документальных лент.

Все началось с того, что в 1966 г. в токийской газете «Асахи» было опубликовано обращение к ветеранам тяжелой артиллерии бригады, участвовавших в боях у Халхин-Гола, и их семьям с предложением организовать встречу в Токио, чтобы провести вечер воспоминаний и отслужить молебен по погибшим. В 1969 г. та же газета опубликовала сообщение об учреждении «Общества ветеранов боев у Номонхана» и начале регулярных встреч бывших солдат. Вслед за этим был создан «Журнал общества ветеранов боев у Номонхана. Появились первые статьи и работы, обращенные к предвоенным событиям.

Японские историки, отрицая спланированный характер конфликта, упорно называет халхин-гольские события «случайным пограничным конфликтом или инцидентом местного значения», ответственность за возникновение которого нередко возлагается на СССР.

Такая оценка вовсе не исключает мнения других экспертов, которые называют события на Халхин-Голе «второй русско-японской войной». Исследователи в своих работах также говорят о них как о «необъявленной» или «локальной войне»¹⁷.

При этом зачастую эти события представляются как результат «советской агрессии». В созданной военными историками Управления сил самообороны Японии 106-томной «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии» утверждается, что якобы «Советский Союз искал момента для нанесения удара по японской армии, чтобы лишить ее

¹⁷ Тайхэйё сэнсо си (История война на Тихом океане). Токио, 1983, т.3, с.241.

надежды на победу и сосредоточить все внимание на Европе...СССР хорошо знал, что занятое войной в Китае японское правительство придерживалось курса на недопущение расширения пограничных конфликтов»¹⁸.

Безусловно, в условиях усиления напряженности на западных границах халхин-гольские события создавали для Советского Союза опасность вовлечения в войну на два фронта – западный и восточный, и ни в коей мере не могли входить в планы советского правительства. Однако для «обоснования» своей концепции составители этого достаточно амбициозного труда прибегают к ставшим традиционными в истории Японии утверждениям о «чрезвычайной слабости Квантунской армии», и «решительном превосходстве Красной армии», «агрессивности коммунистической России» и т. д.

При этом большинство современных японских историков под давлением фактов и документов не могут полностью принять выдвинутую Управлением сил самообороны Японии версию о советской агрессии во время халхин-гольских событий. В японской историографии есть немало работ, в которых признается спланированный характер японской агрессии в районе Халхин-Гола.

Так, например, исследователь Симада Тосихико пишет по этому поводу: «Поскольку Советский Союз всегда был потенциальным противником Японии, мы никогда не отказывались от замыслов ведения боевых действий в Сибири. Следовательно, действия Квантунской армии в этих событиях, как и во многих других инцидентах, которые начинала эта армия, лишь опережали запланированные акции центрального руководства сухопутной армии»¹⁹.

При этом на страницах исторических работ широкое распространение получило утверждение о том, что ответственность за расширение конфликта несут вышедшие из подчинения Генерального штаба сухопутных сил генералы и офицеры Квантунской армии. На этом настаивает хорошо известный в нашей стране ученый Танака Кадзухико: «В книгах зарубежных авторов по истории событий на реке Халхин-Гол часто высказывается мысль, что Квантунская армия вела военные действия на основе приказаний генерального штаба в Токио, то есть ее действия отражали позицию Токио или императора, но это – слишком упрощенное толкование. Дело в том, что существовали глубокие противоречия между руководством Квантунской армии и Токио. Токио хотел избежать серьезного конфликта, поскольку необходимо было сосредоточить усилия на китайском фронте. В составе Квантунской армии существовала группировка, руководимая воинственным майором Цудзи,

которая сформировала основные параметры всего хода конфликта от начала до конца»²⁰.

Другими словами, подобную позицию можно истолковать как стремление японского ученого К. Танака и далеко не только его одного возложить всю ответственность за развязывание конфликта на командование Квантунской армии, которое якобы действовало самостоятельно и приняло решение не по указанию Генерального штаба, а вопреки ему. Следуя этим рассуждениям, получается, что Квантунская армия в течение четырех месяцев вела ожесточенные сражения с применением авиации, танков и артиллерии вопреки приказам императорской ставки и Генерального штаба. Это выглядит в высшей степени нереальным. И, тем не менее, эта точка зрения находит все больше своих сторонников. Сегодня даже ряд российских ученых все чаще солидаризируется с японскими исследователями в такой оценке²¹.

Каковы же сегодняшние оценки и позиции японских ученых на те события 70-летней давности. Остановимся на наиболее заметных работах и публикациях, вышедших в Японии за последние 10–15 лет.

Начнем с исторических исследований. Одно из них наиболее фундаментальное – это книга Нэдзу Масаси «Новый подход к современной истории: поражение в Номонхане» («Гэндайси-но симмэн. Номонхан-но санхай», 1993 г.). В этой работе автор трактует ход событий таким образом, что главная причина поражения Японии в войне на Халхин-Голе состоит в основном в ее достаточно слабой технической и боевой оснащенности, в несколько раз уступавшей военной силе советских войск. М. Нэдзу в своих аргументах делает особый акцент на том, что японским пехотным подразделениям были противопоставлены мощная советская авиация и танки, которые, по существу, и обеспечили победу СССР в войне на Халхин-Голе.

К другим факторам, повлиявшим на исход военных действий, он относит сложность внутривнутриполитического положения в Японии в тот период, войну в Китае, потребовавшую от Японии большого числа материальных и человеческих ресурсов, а также недостаточную информированность представителей японских военных и политических кругов о реальной боеготовности советских вооруженных сил.

Японский исследователь не только подробно рассматривает каждую из этих версий, но и достаточно подробно и обоснованно обвиняет руководство Японии в том, что оно не сумело сделать критических выводов из своего поражения на Халхин-Голе. Это, по его мнению, привело Японию к повторению своих ошибок в последующей за этим Тихоокеанской войне, что неминуемо привело страну к полному военному краху.

¹⁸ Дайтоа сэно кокан сэнси. Кантогун (Официальная история войны в Великой восточной Азии. Квантунская армия). Токио, 1993. т.27, ч. 1, с. 423.

¹⁹ Халхин-Гол: пятьдесят лет спустя. М., 1990, с. 24.

²⁰ Там же, с. 30.

²¹ История Японии. М., 1999, ч. 2, с. 381.

Сходной позиции придерживаются и японские историки Ояма Тадасу и Мино Масахиро в своей работе «Исследование действий сухопутных сил Японии в событиях на Халхин-Голе – “Цепь поражений”» («Номонхан дзикэн. Нихонгун сипай-но рэнсаку-но кэнкю», 2001 г.). Они также сосредоточивают свое основное внимание на анализе причин поражения японской армии в битвах на Халхин-Голе.

Авторы этого исследования солидарны с ученым М. Нэдзу и многими другими своими коллегами, усматривая основные недоработки японской армии в недостаточной информированности о состоянии советских вооруженных сил и их оснащенности, причины чего они в основном сводят к крупным недостаткам разведывательной деятельности. Наряду с этим они выделяют такие негативные факторы, повлиявшие на исход событий, как плохое вооружение японской армии, слабую идеологическую работу в ее рядах и т. д.

И, наконец, что достаточно типично для японских исторических исследований, делается критический вывод о том, что японские войска не использовали в боях на Халхин-Голе военный опыт предшествующих лет. Точно также в дальнейшем, в войне с США они практически полностью проигнорировали тот урок, который был преподнесен им советскими войсками в войне на Халхин-Голе.

В этом же ряду научных изданий следует выделить книгу Мидзусима Кунка «Японо-китайская война. – Номонханский конфликт – Путь к Тихоокеанской войне («Ниттjусэнсо то Номонхан дзикэн – Тайхэйсэнсо-э-но Мити», 2007). Основная идея этого исследования сводится к доказательству того, что поражение Японии на Халхин-Голе, а затем дальнейшее продолжение войны с Китаем стали серьезными предпосылками для начала японо-американской войны на Тихом океане. Главная же причина поражения японской армии на Халхин-Голе видится автору в серьезной недооценке возможностей советских вооруженных сил.

Как подчеркивает исследователь, это не означает, что японская сторона вовсе не обладала достоверной информацией. Японскому военному командованию было достоверно известно, что противник сосредоточил в месте боевых действий мощные силы, однако такого рода информация, неблагоприятная для японской стороны, по свидетельству очевидцев, сразу же убиралась под сукно. И, наоборот, сведения о том, что противник поставлен в неблагоприятную ситуацию, находится в значительной отдаленности от линии коммуникаций и базы снабжения и не сможет перегруппировать огромные силы на переднем фланге, возводились в абсолютизм и использовались для оперативных разработок практически до последних дней войны. Одним словом, в расчет принималась только выгодная для японской стороны информация.

Вдобавок к этому, за командованием Квантунской армии, по мнению, К. Мидзусима, зачастую наблюдались произвольные, несанкцио-

нированные свехру действия. Существенные просчеты были допущены и в методике ведения информационной войны.

Эту мысль более подробно развивает Цумо Тоё в своем исследовании «“Звук августовских пушечных выстрелов” – бои в Номонхане и Масанобу Цудзи» («Хатигацу-но хохэй – Номонхан дзикэн то Цудзи Масанобу», 2005). Среди основных причин поражения автор выделяет «бездарность», «самоуверенность» и «безответственность» военного руководства в лице печально известного Цудзи Масанобу и других штабных офицеров, которые, по его мнению, обрекли на смерть около 20 тыс. солдат и офицеров. По мнению автора, Цудзи, будучи представителем оперативного штаба, был фанатиком традиционных самурайских моральных догм и не смог применить в войне рациональную стратегию и военное искусство.

Вторая основная причина постоянных неудач, преследовавших японцев практически во всех боях на Халхин-Голе, по мнению автора, кроется в плохой организации тыла, обозной службы и т. д., которые практически не поспевали за действиями и командами офицера Цудзи, привыкшего к быстрой победе. Цудзи, как пишет исследователь Т. Цумо, был уверен в том, что недостаток питьевой воды, топлива, снарядов и т. д. можно с лихвой компенсировать японским боевым духом и тем самым обеспечить победу над таким достаточно слабым, как он считал, противником, как советско-монгольские войска.

Такая точка зрения находит сегодня в Японии довольно много сторонников. По-видимому, не случайно, исследователи Национального института оборонных исследований, обращаясь к материалам российских архивов, основное внимание сегодня уделяют вопросам организации советского тыла, видя в этом одну из основных причин победы советско-монгольских войск.

Жанр исторической мемуарной литературы представлен работой Камакура Хидэо «Скрытая война в Номонхане» («Номонхан какусарэ-та сэнсо», 2001). В основу этой книги положены обширные материалы, использованные для документального телепроекта «События на Номонхане. Реальные события 60 лет спустя» (телекомпания Эн-Эйч-Кэй, 1999 г.) Это – воспоминания участников этой войны, архивные материалы из российских архивов – РГВА и т. д.

Главные идеи, которые четко прослеживаются в данной работе, можно сформулировать следующим образом:

- события на Халхин-Голе следует оценивать не как военный конфликт, а как войну в полном смысле этого слова;

- первопричины этой войны следует искать в сложном переплетении международных событий тех лет и в достаточно напряженной международной ситуации, требовавшей своего разрешения. В этой связи большое внимание уделяется анализу советско-монгольских отношений;

– военные события тех лет свидетельствуют о том, что Сталин, по существу, уже тогда планировал реальные военные действия против Японии, используя военные действия на Халхин-Голе для проверки действенности своего оружия. Более того, делается вывод о том, что советский лидер в большей степени уделял внимание обороне своих дальневосточных рубежей, нежели защите от возможного нападения фашистских войск.

Большое внимание в этих материалах уделяется вопросам японских военнопленных, общее число которых определяется примерно в 1 тыс. человек. Как указывается в исследовании, часть из них была передана японской стороне на основе двустороннего соглашения с советским командованием о прекращении боевых действий. Однако по возвращении на родину их ждали трибунал и смертная казнь. Японское командование сухопутных войск спустя две недели после окончания военных действий отправила в штаб Квантунской армии секретные приказы №855 и №2554, проигнорировав положения Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1929 г. Согласно этим приказам, в отношении прибывших из советского плена японских военнослужащих следовало произвести обстоятельные расследования и в случае выявления той или иной вины предать их суду.

Итогом других полевых исследований стала книга историков Ода Ётаро и Табата Гэн «Суть и последствия событий на Номонхане. Запись наступления советских войск» («Номонхандзикэн-но синсо то сэнка – Сорэнгун гэкиха-но кироку», 2002). Эта работа стала итогом двух командировок японских ученых в район Халхин-Гола, их многочисленных встреч с очевидцами тех событий и т. д. Огромный практический материал, полученный в результате этой большой поисковой работы, позволил им изложить различные точки зрения на эту войну, развенчать многочисленные мифы и ложные суждения о действиях советских и японских войск.

В частности, в книге отводится достаточно много внимания разбору и критике действий японской стороны, которой, по мнению авторов, был нанесен сокрушительный удар со стороны советских механизированных войск благодаря их хорошей боевой оснащённости, в несколько раз превосходящей силы противника. Одновременно с этим четко проводится мысль о том, что победа СССР была достигнута за счет огромных потерь, не сопоставимых с потерями Японии.

В полной мере автобиографичной можно назвать книгу Хандо Кадзутоси «Лето в Номонхане» («Номонхан-но нацу», 1998). Она написана на основе воспоминаний автора – реального участника этих событий, а потому носит ярко выраженный эмоциональный характер. При этом К. Хандо в большей степени увлекает психологическая сторона проблемы, нежели строгий аналитический и научный подход к оценке политических и военных событий тех лет.

Основные причины поражения К. Хандо усматривает, в первую очередь, в действии каких-то мистических «темных сил зла», которые, по мнению автора, заметно активизируются и вершат судьбу страны. И вместе с тем он находит достаточно аргументов для того, чтобы обосновать свой весьма критический подход к оценке действий японских сухопутных сил во время этих событий, которые он считает «безответственными» и «трусливыми».

Автор признает, что не только моральными факторами следует объяснить поражение японской армии в боях на Халхин-Голе. Главная причина всех военных неудач Японии во многом кроется в превосходстве противника. Для доказательства этого тезиса он приводит следующие данные по различным родам войск. Так, советская пехота превосходила численность японских пехотинцев в 1,5 раза, мощность артиллерии – в 2 раза, по количеству самолетов – почти в 5 раз (515 по сравнению со 113), а танков и бронетранспортеров на вооружении японской армии вообще не было. Что касается общей численности войск, то здесь советские войска превосходили японские почти в 3 раза. Явный перевес в силе противника наиболее ярко обозначился во время завершающей стадии военных действий – после 20 августа 1939 г., когда советско-монгольские войска развернули мощное наступление на японскую армию, которая в этой ситуации была просто обречена на гибель.

Достаточно объективны оценки автора и в отношении характера боевых действий на Халхин-Голе. Он довольно четко называет их не конфликтом, а войной, которую следует рассматривать в контексте напряженной международной обстановки тех лет. Именно в результате этой войны, заявляет Хандо, Сталин принял решение о войне с Японией, которое он реализовал спустя несколько лет. Более того, по мнению автора, события на Халхин-Голе еще раз убеждают в том, что советского руководителя куда больше заботили вопросы обороны страны на дальневосточных рубежах, в частности, от возможного нападения Японии, чем на Западе, где назревала еще большая для него угроза – со стороны Германии. Большое внимание в книге уделяется также анализу советско-монгольских отношений, в особенности в контексте войны на Халхин-Голе.

И вот совершенно иной ракурс видения этой проблемы – книга Кусуноки Ясуги «Расследование. События в Номонхане. Установленная истина» («Косё Номонхан дзикэн – цукитомэта соно синдзицу», 2005). Автор рассматривает события на Халхин-Голе в контексте той информации, которую получили японские власти от Уполномоченного НКВД по Дальнему Востоку Г. С. Люшкова, сбежавшего в Японию 22 июня 1938 г., незадолго до начала военных действий на Хасане.

В своих многочисленных и подробных показаниях, которые он представил японскому военному руководству, а также их союзникам – пред-

ставителям германской разведки, Люшков подробно обрисовал непростую ситуацию в Красной армии в те годы в связи с политическими репрессиями, охватившими СССР и заметно ослабившими ее организационную и идеологическую основу. Им также была дана исчерпывающая информация о численном составе дальневосточных войск, их вооружении, шифрах и т. д., что давало японской стороне все основания верить в победу в готовящемся очередном военном конфликте на Халхин-Голе.

Все эти данные о действиях и показаниях Г. С. Люшкова были переданы в Москву советским разведчиком Р. Зорге, что в немалой степени помогло советскому военному руководству внести необходимые коррективы в подготовку отпора противнику.

Автор задается вопросом, насколько японское военное руководство доверяло сведениям, почерпнутым от Люшкова? Сегодня на этот вопрос со всей достоверностью, наверно, не способен ответить никто, однако, по мнению Я. Кусуноки, есть много оснований, чтобы предположить, что японская сторона отнеслась к этим сведениям серьезно.

Теперь остановимся на наиболее интересных статьях, вышедших в Японии за последнее время. Особого внимания заслуживает специальный номер журнала «Военная история» (Гундзисигаку. 1997, март, №128), посвященный военным событиям на Халхин-Голе.

Среди опубликованных в нем работ особого внимания заслуживает статья Симокава Бэхиромицу «Инцидент в Номонхане с точки зрения боевой тактики авиации» («Кукосакусэн кара мита Номонхан дзикэн»). По мнению Б. Симокава, Япония начала войну с массированных атак силами крупного авиационного соединения, состоявшего из 110 тяжелых военных бомбардировщиков, и артиллерии, нанося сокрушительные удары по советской авиации. Однако, следуя версии японского ученого, японский Генеральный штаб выступил против дальнейшей эскалации боевых действий, получив на это соответствующий указ императора, и, соответственно, отказался от тактики использования авиации в наступательных операциях.

По этой причине, полагает Б. Симокава, японская авиация не имела возможности атаковать опорные пункты советских войск, что способствовало усилению боевой силы противника и обеспечило полное и безраздельное господство в воздухе советской авиации. В течение всех боевых действий на Халхин-Голе японская авиация понесла значительные потери: 141 человек погибших и 182 самолета, включая аварии и другого рода повреждения.

Другим военным аспектам проблемы посвящено исследование Аракава Кэнъити «Советско-японские сражения в Номонхане. О взаимодействиях пехоты, танков и артиллерии» («Номонхан дзикэн ни окэру ниссо рёгун-но сэнтэ – хохэй, сэнсэ сохэй-но кёдо о тьосин ни»). Автор акцентирует особое внимание на грубейшем нарушении японским

военным руководством основополагающего требования военного устава, предписывающего обязательное одновременное использование всех родов войск в качестве первейшей предпосылки для успешного ведения боевых действий.

Во время же боев на Халхин-Голе, по мнению автора, наблюдалась картина иного рода: пехота, танки и артиллерия начали наступление самостоятельно, и о каких-то совместных действиях или их координации уже не могло идти и речи. В итоге танковый корпус без прикрытия артиллерии и пехоты пересек линию обороны советско-монгольских войск и был отдан на растерзание противотанковой артиллерии противника. Так японский ученый объясняет поражение японских войск.

Не только военно-исторические издания, но и популярные японские журналы не обходят своим вниманием события на Халхин-Голе. Пример тому – статья Фукуи Юдзо ««На севере – сокрушительное поражение в Номонхане» – великая легенда из мифов Сталина», опубликованная в авторитетном журнале «Тюокорон» (2005, №1).

Размышляя о войне на Халхин-Голе, автор начинает с преамбулы о существующих стереотипах в восприятии тех исторических событий, которые благодаря роману Гомикава Дзюнпэй «Номонхан» уже прочно укрепились в массовом сознании японцев. По мнению автора, большинство современных японцев воспринимают их не иначе, как военные столкновения, происшедшие в 1939 г. в местечке вблизи р. Халхин-Гол на границе Маньчжурии и Монголии, во время которых произошли кровопролитные бои японских солдат с хорошо механизированными и в значительной степени превосходящими по силе советскими войсками, в результате чего Япония потерпела поражение.

Однако Ю. Фукуи намного больше импонирует иной взгляд на эту войну, отраженный, в частности, в уже упомянутой нами книге писателя Хандо Кадзутоси «Лето в Номонхане». В ней автор много и нестандартно рассуждает об этих событиях через призму философских размышлений о природе зла в человеческой натуре, а также с позиции других общечеловеческих проблем.

Вот почему исследователя в первую очередь волнуют гуманитарные аспекты этой войны и, в первую очередь, проблема численности людских потерь, понесенных обеими сторонами во время этих событий. По его данным, советская сторона понесла убитыми и ранеными 25 565 человек, японская – 17 405 человек. При этом самое большое число жертв с японской стороны приходится, по его подсчетам, на период, начиная с 20 августа 1939 г.

По мнению Ю. Фукуи, трагедия японской армии произошла по той причине, что с самых первых дней японская сторона строго соблюдала принцип нерасширения конфликта и потому отказалась от дальнейшего наращивания своей военной силы в данном регионе. Как конкретизирует автор, лишь одна японская дивизия вела ожесточенные бои с

врагом, силы которого более чем в 10 раз превосходили ее возможности. Следуя этой логике, Ю. Фукуи приходит к выводу о том, что в случае, если бы японская армия получила подкрепление в живой силе и боевой технике, победа была бы на стороне Японии.

В заключение обратимся к специальному выпуску авторитетного общественно-политического журнала «Сюкан Синтё» под рубрикой «История меняется» от 4 декабря 2003 г. и помещенной в нем статье под достаточно красноречивым названием «Японо-советское столкновение, которое мы не проиграли».

Статья посвящена в основном вопросам человеческих потерь в годы боевых действий на Халхин-Голе. Основная мысль, которую проводят авторы данного исследования, пересмотреть общепринятое положение, зафиксированное в японских учебниках по истории о том, что японская армия в боях с советскими и монгольскими войсками понесла сокрушительное поражение, потеряв убитыми и ранеными около 20 тыс. человек. Вместо этого предлагается признать, что подобное представление исторических событий является явной фальсификацией истории.

В статье указывается, что японские воины сражались отважно и стойко и выиграли практически все сражения. По-иному предлагается исчислять и число потерь. Так, со ссылкой на российские источники приводится цифра 7974 человек – убитых и умерших от ран и пропавших без вести, тогда как с учетом раненых, эта цифра составит 25 тыс. человек.

До сих пор в Японии также, как и в России, и в Республике Монголия ведется много дискуссий по проблемам событий на Халхин-Голе, по-прежнему существуют старые и появляются новые точки зрения и оценки теперь уже далекого прошлого наших стран. Большой вклад в изучение этой проблемы внесли участники круглых столов и научных симпозиумов ученых России, Японии и Республики Монголия, которые состоялись в 1988 г. – год 50-летия событий на Халхин-Голе.

Сегодня, когда мы уже отметили 70-летие трагической страницы в истории наших народов, эта тема не потеряла своей актуальности, что еще раз продемонстрировал прошедший в Улан-Баторе в 2006 г. международный симпозиум, проведенный по инициативе японской общественной организации – Центра японо-российских исторических исследований. Тема этого представительного научного форума «События на Халхин-Голе и деятельность группы Зорге» – еще один новый ракурс этой проблемы, что говорит о ее масштабности и важности для понимания мировой истории.

2009 год – юбилейный. И не удивительно, что он отмечен большим числом значимых мероприятий. Одно из центральных событий – официальный визит в Республику Монголия Президента России Д. А. Медведева, состоявшийся 25–26 августа и приуроченный к 70-летию победы на р. Халхин-Гол. В ходе этого визита были вручены государственные

награды двух стран российским и монгольским ветеранам – участникам сражений. Давая оценку событиям тех лет, российский президент отметил: «В исторической памяти наших людей ... навсегда останутся боевые страницы нашего сотрудничества, имена тех, кто разгромил агрессора, отстоял территориальную целостность Монголии и в конечном счете способствовал уничтожению врага в ходе второй мировой войны»²².

Ученые многих стран также не обошли вниманием это знаменательное событие. В России, Монголии и Японии прошли международные научные симпозиумы по данной проблематике, тематические фотовыставки, были опубликованы статьи и книги о военных событиях на р. Халхин-Гол. Это еще раз свидетельствует о том, что тема войны на Халхин-Голе не потеряла своей актуальности. Перед историками России, Японии и Монголии открываются новые большие исследовательские задачи и не менее широкое поле для совместных научных поисков.

²² <http://www.argumenti.ru>